

АЛЕКСАНДР КУПРИН

ЛЕБЕДЬ, ПОТЕРЯВШИЙ СЕРДЦЕ

85 ЛЕТ НАЗАД ОН ВЕРНУЛСЯ ИЗ ЭМИГРАЦИИ ВМЕСТЕ С УДИВИТЕЛЬНОЙ ЖЕНЩИНОЙ,
ЧТОБЫ ЧЕРЕЗ ГОД УМЕРЕТЬ

О

Ослепительно белый гроб везли шесть белых лошадей. Весело, словно ничего не случилось, звенели трамваи, гроздьями висели на автобусах ленинградские мальчишки, а табунки машин замирали у перекрестков. Все было символично в тот день — 25 августа 1938 года. Во-первых, хоронили поручика белой армии, блестящего наездника, который на пари мог подняться на лошади на второй этаж ресторана, выпить, не покидая седла, полстакана коньяка и, тем же манером, вернуться на улицу. Во-вторых, последний путь его — от дворца на Неве (там была панихида) до Волкова кладбища — просто не мог миновать Разъезжую улицу у Пяти углов, где он не только закончил свою повесть «Поединок», но стал известным классиком.

*1
Возвращение
Александра Куприна
с женой Елизаветой
на Родину (кадр ки-
нохроники). Москва,
Белорусский вокзал.
1937 год.

А в-третьих, между белыми дорогами и белой колесницей с венками из белых цветов ехали в черной «эмке» две жены его — первая страсть и последняя нежность! — две самые дорогие женщины, с которыми он, представьте, почти в один день познакомился как раз на Разъезжей.

В доме, который и ныне легко найти...

Казнь кадета

— Кадет Куприн, выйти из строя! — стриженный двенадцатилетний подросток (синие погоны, красные петлицы, восемь пуговиц на жупдирчике) обреченно делает два шага. Кадет, позволивший себе возмутительно грубый поступок по отношению к дежурному воспитателю, приговаривается к телесному наказанию в десять ударов розгами...

Бедный, бедный Куприн, он знал: его ждет осамейка, покрытая простыней, дядька Балдей, прячущий за спиной розги, и затхлый запах солдатских штанов, когда другой дядька одет ему на голову, чтобы не вырвался. Запомнит унижение, опишет в автобиографической повести. «Кадет Булавин испытал всё, что чувствует приговоренный к смертной казни. Так же его вели, и он не помышлял о бегстве, так же рассчитывал на чудо и думал, что вот сто человек остались счастливыми... а я один, один буду казнен...»

Он и будет казнен. Казнен детством, предательством, нищетой в Париже, казнен родной страной и всей жизнью своей, которая заставляла его, тонкого и отзывчивого как мембрана, казаться, по выражению одного критика — «ну просто свирепым».

«Моя мать, — писал он. — Она была причиной, что вся моя душа загажена. Скитанья по чужим домам, кланченье, угодливость, подлые уменьшительные слова: кусочек, капелька, чашечка чайку. Мать уверяла, что я не люблю лакомого, потому что знала, от этого хозяйским детям останется больше... И, чтобы рассмешить благодетелей, приставляла к носу свой трепанный кожаный портсигар, перегнув его вдвое, и говорила: «А вот нос моего сыночка...» Я... я проклинаю свою мать...»

Это из рассказа «Река жизни».

Первая жена Куприна, Мария Давыдова, прочтя его, расплачется от обиды за его мать, скажет, что та узнает себя, хотя бы по портсигару. Он же упорствовал: «Я обязан написать об этом...» Но когда сам начнет читать рассказ матери, слова эти: «Я проклинаю», опустит. Да это, кстати, и не было правдой: причиной всех его несчастий была тупая, свинцовая, подлая жизнь.

А матери Саша, нежный в душе, с первого гонорара в 9 рублей купит за 8 подарок — козловые ботинки, и лишь рубль потратит на себя и коня — на скачки в манеже...

С ПЕРВОГО ГОНОРАРА В 9 РУБЛЕЙ САША, НЕЖНАЯ ДУША, ЗА 8 КУПИТ МАТЕРИ ПОДАРОК — КОЗЛОВЫЕ БОТИНКИ. И ЛИШЬ РУБЛЬ ПОТРАТИТ НА СЕБЯ И КОНЯ — НА СКАЧКИ В МАНЕЖЕ...

Две судьбы с Разъезжей

«Среди равных побеждает тот, кто уверен в своей победе», — любил повторять он. А проигрывает — кто «потеряет сердце». Так и написал: «Потеря сердца... Ее знают акробаты, всадники, борцы и артисты. Это болезнь постигает свою жертву без предупреждений».

Сам Куприн «потеряет сердце», кажется, однажды. В тот день он впервые пришел на Разъезжую. Сюда, в редакцию журнала «Мир Божий», его, насквозь провинциального мужичка (автора, правда, уже и «Олеси», и «Мохла»), привел друг Иван Бунин.

Куприн шел набычившись, неоглячиво, он успел уже поработать репортером, землемером, псаломщиком, кузнецом, столяром, учился на зубного протезиста и учил в училище слепых, разводил «махорку-серебрянку» и даже пытался постричься в монахи. Всё было в его жизни. А людей научился узнавать, представлять, по запаху. Да, «потянет носом, — вспоминала писательница Надежда Тэффи, — и конец — знает, что это за человек... Помню, как-то в обществе показала я ему красивую даму. «Что скажете, правда, хороша?» Он ответил отчетливо и громко: «Дура собачья. У нее от морды редькой пахнет».

Юнкера у него пахли мышатиной, девушки арбузами и почками тополиными. Что говорить: с Бунинным соревновался — какой запах у костела во время заутрени или, скажем, у арены в цирке? Недаром последний заметит потом: «Сколько в нем было этого звериного! Чего стоило одно обоняние?»

Но неоглячивый, уверенный, он не знал еще, чем пахнет «потеря» сердца — страсть...

На Разъезжей друзья узнали, что хозяй-

*2,3
Кадет Саша Куприн
и его мать Любовь
Алексеевна.

*4
Иван Бунин.

ка журнала Александра Аркадьевна Давыдова больна и примет их ее приемная дочь Муся, двадцатилетняя курсистка-бестужевка, черноглазая, остроумная Мария Карловна. «Муся была подкидыш, — вспоминала Ариадна Тыркова-Вильямс. — Ее младенцем принесли к дверям Давыдовых... Очень хорошенькая... Ее портил смех, недобрый, немолодой. Точно она

В ГОСТЯХ У МАШИ ДВУМ ГОРНИЧНЫМ ПОМОГАЛА ПРИСЛУЖИВАТЬ ЛИЗА, ХРУПКАЯ ДЕВУШКА С ЛЕБЕДИНОЙ ШЕЕЙ, КОТОРАЯ ЧЕРЕЗ ШЕСТЬ ЛЕТ СТАНЕТ ЕГО ВТОРОЙ ЖЕНОЙ

говорила: «Какие вы все дураки, и до чего вы мне надоели...» Росла среди знаменитостей (Тургенев, Чехов, Гаршин, молодой Горький). И, конечно, Куприн, в диком полосатом костюме и желтом галстуке с синими цветочками, не только смеялся, увидев ее, но едва не спрятался за спину друга.

Бунин же балагурил: «Разрешите представить вам жениха. Талантливый беллетрист, недурен собой... Александр Иванович, — обратился к другу, — повернись-ка к свету!.. Ну... Как вам? У вас товар, у нас купец...» — «Нам ничего, — смеясь, подхватила шутку Маша. — Мы что, Как маменька прикажут...»

Но на другой день обоих принимали здесь уже иначе: стол с крахмальными салфетками, хрусталь, дорогие вина. Теперь обедали с хозяйкой. А двум горничным помогала прислуживать хрупкая девушка с лебединой шеей, которую звали Лизой и к которой относились как «к нелюбимой сироте».

*5

С Марией Куприной-Иорданской. 1903 год.

*6

С Лизой.

Эх, ах, Куприн, уже влюбленный в Машу, не увидел ее и уж, конечно, не знал, что через шесть лет после женитьбы на Маше его второй женой станет как раз она — Лиза Гейрих, сестра жены Мамина-Сибиряка, отданная Давыдовым на воспитание.

Маша, конечно, была ярче, Лиза скромней, та светски лукава, эта — простодушна. Маша знала, как глядеться доброй, Лиза же была — сама доброта. Это ведь Лиза через 37 лет, в Ленинграде у могилы Куприна, заставленной венками из белых цветов, когда они у насыпанного холмика останутся вдвоем с Машей, выдохнет одну фразу всего: «Маша, из меня вынули жизнь...»

Это будет еще.

«Поединок» с Машей

А пока Куприн, стеснительный, эмоциональный (он любил говорить, что даже «стичку нельзя за-

жечь равнодушно!»), был смирен, стреножен именно Машей. Словом, через три месяца — небывалый тогда срок — она станет его женой.

Нет, Маша любила его, но, если уж задаваться вопросом, что есть ее любовь, то не ошибемся, сказав: любила, как будущего великого писателя. «Я верю в тебя», — сказала, когда он признался, что хочет писать большую вещь.

Из Крыма привезет ей шесть глав «Поединка», повести, где поединком был его личный поединок с царской армией. Но, непредставимо, когда «Поединок» станет буксовать у него, Маша, его любовь, покажет ему на дверь: «Поединок! А до той поры я для тебя не жена!..» И Куприн, представьте, не порвет поводков, нет. Покорно снимет комнатку на стороне, даже осудит себя: «с влюбленными мужьями иначе нельзя», и — фантастика! — написав очередную главу, будет спешить с ней на Разъезжую, где на черной лестнице (чтобы не встретиться с Машинными знакомыми), просунув рукопись сквозь прикрытую на цепочку дверь, будет ждать, чтобы его впустили в очередной раз.

Визит к законной жене, но — как «гоноляр»... Бедный, бедный писатель! Однажды, когда он, чтобы увидеть Машу, подсунил уже читанную ей раньше главу, дверь для него не откроется вовсе. Так-то вот! И он, сорвиголова, «мачо», как сказали бы ныне, сядет на грязные ступени черной лестницы и, как в «кадетке», тихо, по-детски заплачет...

Впрочем, столетие, миновавшее с тех пор, позволяет сказать объективно — он и сам не был идеалом. Это ведь про него ходили стишки, пущенные из писательского ресторанчика: «Если истина в вине, // Сколько истин в Куприне!..» Как было жить с таким? То он три дня пропадает у цыган и его вытаскивает оттуда Вересаев: «На вас смотрит вся читающая Рос-

сия, а вы?..» То, якобы патентованным «голландским» средством от седины, красит голову масляной краской какому-то филеру из Одессы. То обливает горячим кофе писателя Найденова и в ключья рвет на нем жилет; то в гостях натурально начинает душить Леонида Андреева, пока того, уже посиневшего, не вырывают из его железных рук.

ОН И САМ НЕ БЫЛ ИДЕАЛОМ. ЭТО ВЕДЬ ПРО НЕГО ХОДИЛИ СТИШКИ, ПУЩЕННЫЕ ИЗ ПИСАТЕЛЬСКОГО РЕСТОРАНЧИКА: «ЕСЛИ ИСТИНА В ВИНЕ, СКОЛЬКО ИСТИН В КУПРИНЕ!..» КАК БЫЛО ЖИТЬ С ТАКИМ?

Да и домой он мог привести и огненно-рыжего Уточкина, модного летчика, и попа-расстригу, и — прямо из «Капернаума», трактира — какого-то роскошного штабс-капитана Рыбникова, которого, будет уверить, сразу принял за японского шпиона. А то, приревновав Машу, когда она вернулась из театра уж чересчур поздно, подожжет на ней черное газовое платье. Такая вот шутка! В другой раз, когда ей не понравятся золотые часики, подарок его, шархнет их о стену и, вбив каблуком осколки в паркет, убежит из дома...

«Разойтись с ним было трудно», — признается Маша: это было мучительной страстью. Он тоже назовет это страстью и в 1929-м, помудрев, подыбнет итоги: «Сила любовной страсти уравнивает все различия: пола, крови, происхождения, возраста и даже социального положения — так велика ее блаженная мощь! Но в этой стихии всегда властвует не тот, который любит больше, а тот, который любит меньше: странный и злой парадокс!..»

*7
Иллюстрация к повести «Поединок».

*8
Александр и Елизавета Куприны среди отдыхающих. Массандра. 1907 год.

Он любил Машу больше, чем она его. А его больше, чем себя, любила Лиза. Та Лиза Гейнрих, которую он тоже встретил, помните, на Разъезжей?

Улыбка Лизы

В жилах Лизы текла венгерская кровь, отец ее из старинного знатного рода, Мориз Ротонд-Гейнрих, участвовал в восстании мадьяр, и за поимку его была назначена награда. Ничего этого Куприн не ведал и, более того, когда через два года забежал на минутку к Мамину-Сибиряку, то вообще не признал ее — так она похорошела.

В тот день ему открыла дверь стройная девушка в форме сестры милосердия.

«На фронт едет, на войну с Японией — сказал ему Мамин и якобы добавил. — Смотри, не влюбись». — «Достигнется же кому-то такое счастье», — ахнул Куприн.

Потом до него будут доходить слухи, что Лиза добралась до Муздена, пережила какое-то крушение поезда в иркутском туннеле, работала в полевом госпитале и даже награждена медалями. Но ошеломило другое: то, что Лиза едва не покончила с собой. Знаете, из-за чего? Из-за того, что человек, которого она встретила на фронте, врач, с которым даже, кажется, обручилась, на ее глазах избил до полусмерти какого-то рядового солдата. Вот чего не стерпела.

Как он понял тогда ее! Ведь он и сам только что написал в «Поединке», как рядового Хлебникова смертельно избивает самодур-фельдфебель: «Прилив теплого, бесконечного сострадания охватил его...» Со-страдание — совместное страдание! Золото душ, пароль, по которому узнают друг друга истинно любящие людей люди.

Ну как им, таким одинаковым, было не сойтись?..

Лиза, вернувшись с фронта, Куприных в городе не застала. Но, забежав на Разъезжую, увидев, что дочь их, Лида, оставленная на няню, лежит в дифтерите, уже не отошла от ее кровати, осталась спасать ее. Маша, оценив это, «обрадовавшись привязанности дочери к Лизе», предложила ей поехать с ними в Даниловское, в имение друга Куприна — Батюшкова, знатока западной литературы, внучатого племянника поэта.

Вот там, в Даниловском, в парке, у пруда (оба вспоминали потом, что в грозу, при свете молний), писатель и объяснился со своей Сюзинкой. «Я, — прошептал он Лизе под грохот грома, — больше всего на свете, больше себя, семьи, своих писаний люблю Вас...»

19 марта 1907 года Лиза и Куприн выехали за границу. Она везла его в Гельсингфорс лечиться — это было единственным ее условием. А

*9
Книги, пережившие автора.

*10
И. Глазунов.
Ромашов и Хлебников.
Поединок.

*11
Поручик Александр Куприн с сестрой милосердия Елизаветой Куприной. 1915 год.

через 11 лет их «медовый» Гельсингфорс станет первой точкой долгой эмиграции Куприных, последней ниткой, пуповиной, связывавшей их с Россией, которую на этот раз они разорвут вместе. На чужбине найдут много прежних друзей: Бунина, Сашу Черного, Бориса Зайцева, Тэффи, Шмелева, художника Былибина. Их дом и там будет полон гостей, но Лиза — лебединое крыло его — именно там, в эмиграции, по словам дочери, и перестанет улыбаться...

Ах, сколько счастья было у нее с ним в России! Нет, Куприн не стал другим, но Лиза с ним почти всегда улыбалась. Улыбалась, когда он в казино, выиграв несколько пригоршней золотых, на другое утро, прячась за портьерой номера в отеле, бросал вниз, на аллею парка, монету

на монетой и наблюдал, как богатые обитатели пестрицы воробья поднимают их, «скала клык». Улыбалась, когда в деревне, взяв за гриву какую-то бесхозную лошадь, не только привел ее в дом, но как капризное дитя настоял, чтобы она почевала рядом с его кроватью: «Я хочу знать, как лошадь спит»...

И уж, конечно, не могла не улыбаться днем и ночью, видя, как он, сочиняя «Суламифь» (писал ее под впечатлением любви к ней), высказывал на двор охлаждаться и, как ребенок, горстями слотал снег.

Он молодец с ней. В Одессе уговаривает Элоизия взять его в полет на воздушном шаре и поднимается на 1200 метров. Потом с Иваном Завоным, знаменитым борцом, валетает в небо на аэроплане. Он же у брекветера Хлебной гавани, под наблюдением Дюжева, водолаза, дважды опускается на дно, причем второй раз, специально позвав ее, Лизу. И в 43 года идет учиться специальному плаванию у чемпиона мира Романен-

ко. Зачем? Да затем, что, как в детстве не мог не раздвигать мир вокруг себя. Все хотел испытать лично: на зуб, на мускул, на нерв.

«Есть двоякого рода мудрость, — скажет о нем друг Битюшков. — Одна легко черпается из книг, другую с трудом берут у жизни». Вот Куприн и брал ее — когда с трудом, а когда с птичьей легкостью, как барьер в конном манеже. Брал, добавим, чтобы переплавлять мудрость эту в рассказы и повести, романы и пьесы. Пользуйтесь, черпайте, читайте!

Красные, белые и «зеленый домик»

Когда в 1917-м после долгого перерыва зазвонили колокола, Куприн удивился — это из-

А. И. Куприн и Е. М. Куприна.
Ялта. 1907 г.

АХ, СКОЛЬКО СЧАСТЬЯ БЫЛО У НЕЕ С НИМ В РОССИИ! НЕТ, КУПРИН НЕ СТАЛ ДРУГИМ, НО ЛИЗА С НИМ ПОЧТИ ВСЕГДА УЛЫБАЛАСЬ. А ОН МОЛОДЕЛ С НЕЙ, КАК В ДЕТСТВЕ ГОРСТЯМИ ГЛОТАЯ СНЕГ

*12
Перед стартом воздушного шара. 1911 год.

*13
С Елизаветой в Ялте. 1907 год.

*14
«Зеленый домик» в Гатчине.

вестно — но, не меняя привычек, достал самодельный пиратский флаг и пошел вывешивать его в саду. Мальчишка и в 48, он в дни красной, а затем и белой мясорубки вывешивал у дома этот — свой флаг. Был аполитичен, и хотя Горький хотел сделать из него «глашатай революции», даже этот шутовской флаг вешал не для издевки над красными или белыми, а чтобы дать знак друзьям-соседям, что ждет их, как всегда, на партию в преферанс.

Это было в Гатчине, где еще до Первой мировой Куприн купил «зеленый домик» на Елизаветинской, специально в честь жены, улице. А красным и белым предлагал только то, что умел — делать газету. С идеей газеты для российского крестьянства ездил, представьте, даже к Ленину в Кремль, но тот, как всегда у большевиков, «обещал переговорить с товарищами», а потом эти «товарищи» (имена, кстати, известны: Каменев и Демьян Бедный), поморщившись, предложили ему «пописывать» в журнал «Красный пахарь». Отказался, конечно. Его потом как раз красные и арестуют, увезут из Гатчины на три дня, а ошавшей от страха Лизе какой-то шутник на ее звонок в трибунал рявкнет в трубку: «Куприн?! Расстрелян к чертовой матери...»

Имя шутника, шпрочем, тоже известно — командант Крацдиенко.

Да, аполитичным он был, но равнодушным — никогда. Потому что в те дни и достал из-под ванной пистолет и купил в лавке старьевщика поручичьи погоны. Теперь добровольно (насилно ничего нельзя было заставить) надел их, чтобы сделать всего за сутки, представьте, газету армии Юденича. Сделал, разумеется. А к погонам Лиза пообещала сшить ему «добровольческий угол» на рукав.

Неизвестно, увя — успела ли? Известно другое — Куприн навсегда уйдет из «зеленого домика», уйдет с белыми, даже не заперев, оставив открытой дверь своего дома...

«Видели ли вы, как лошадь поднимают на паровод, на конце парового крана? Лишенная земли она плывет в воздухе, бессильная, сразу потерявшая всю красоту, со сведенными ногами, с опущенной тонкой головой... Это — я»...

Можно долго рассказывать о жизни Куприна в Париже, а можно перечислить эти слова про лошадь и все понять.

Спектакль «Возвращение»

«Дела мои — бамбук», — писал другу из Парижа. В другом письме сообщал: «Денег у меня — ни кляпа», и добавил: «Вино здесь пахнет мокрой собакой». Про Лизу написал, что ей приходится «столько бегать, хлопотать и разрываться на части, что не хватило бы и лошадиной силы». Забавно, с чем сравнивал — с любимыми лошадьми. Переговоры, долги, кухня, штопка чулок, заклады и высуны, попытка открыть переплетную мастерскую, потом, после разоре-

15

* 15
С женой и дочерью Ксенией в Гатчине. 1913 год.

ния, — книжный магазин, тоже лопнувший почти сразу...

Нет, она не тащила — прикрывала, словно крыльями, защищала, ограждала их.

Она никогда не плакала, хотя поводы были. И какие! Скажем, еще в Париже Куприн стал внезапно забывать слова: «Недавно забыл слово «лебедь» в басне Крылова, — жаловался ей. — А ведь лебедь не вадор, а чудесная птица». Не разрыдалась, хотя он и сравнивал ее когда-то с лебедью. Не плакала, когда у него нашли рак, когда везла его в СССР, а он уже не понимал, куда они едут — думал, что везут к другу, где дадут бокал вина. Мы не знаем, плакала ли она блокадным утром 1942-го перед самоубийством.

Но и не улыбнулась ни разу, когда в Москве на Белорусском под фотовспышки к нему кинулся Фадеев, еще недавно кричавший про Куприна, что он «не наш», а ныне, с той же верой в белесых глазах, что, напротив, «наш, конечно, наш!»

«Дорогой Александр Иванович! — торжественно, прямо на перроне, начал митинг Фадеев. — Поздравляю вас с возвращением на родину!» Куприн, тишут, глянул на него сквозь темные очки и, с каменным лицом, отчетливо сказал: «А вы кто такой?» Обиженный Фадеев, уже большой чиновник Союза писателей, кинулся к своему лимузину. Так и осталось неясным: Куприн и впрямь не узнал Фадеева или издевался над соловьем режима?

Кстати, Фадеев, может, единственный из встречавших Куприна, знал предысторию возвращения писателя на родину. Знал, что посол СССР во Франции чуть ли не за год до отъезда Куприна был у Сталина и доложил ему: Куприн «едва ли способен написать что-нибудь, но с точки зрения политической возвращение его представляет для нас кое-какой интерес». Сталин завнул: «Куприна выпустить на родину можно».

Целесообразность! Вождь знал, конечно, что Куприн в статьях называл Россию «воюющей почтенной», где играют на человеческую жизнь мезными картами — убийцы, воры и сутенеры». Знал, что революцию писатель окрестил «омерзительной кровавой кашей», а вместо аббревиатуры СССР издевательски рычал «Сррр...»

Но вождь знал и подлую натуру человеческую...

«С чувством огромной радости я вернулся на родину...» «Я готов был идти в Москву по шпалам»... «Я бесконечно признателен советскому правительству, давшему мне возможность вернуться»...

Такими интервью Куприна запестрели советские газеты. Но ни одно слово в них не принадлежало писателю — всё было придумано журналистским сбродом. Эти высклки, они были готовы на все. Именно их натуру и знал Сталин. Так что спектакль по имени «Возвращение» удался!..

Два лебединых крыла

Умирал Куприн на руках у Лизы в Ленинграде. «Сашеньке плохо, — телеграфировала в Москву Маше, теперь по мужу «товарищу Иорданской». — Немедленно выезжай!..»

Когда-то в молодости фаталист Куприн сказал, что, умирая, хотел бы, чтобы любящая рука держала его руку до самого конца. Лиза и

Иллюстрация: Куприн в Спасском Селе.

20 лет выжил во Париже в Москве возвращаясь на родину на руках любящей руки до самого конца — руку любящей Лизы, Иорданской, Шны и др. — Александр Васильевич Куприн (1862—1937)

17) Ленинград, 1927, 20 мая, № 101

*16, 17
О встрече на перроне Белорусского вокзала оповестила «Правда».

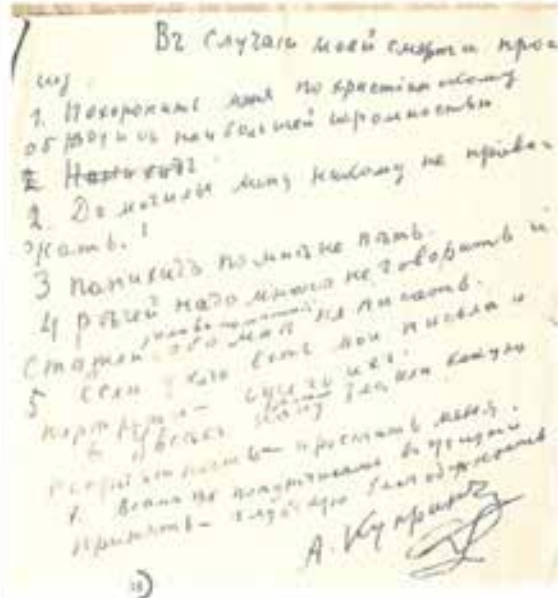
*18
Завещание Александра Куприна. 1936—1937 годы.

*19
Одна из последних фотографий.

держала, пока рука не превратилась в лед. «Не оставляй меня, — шептал он в полубытьи. — Люблю смотреть на тебя... Мне страшно...» Это были последние слова его...

«Любовь — крылатое чувство, — прочтет она потом в вышедшей книге его и поймет — эти строки про нее. — У любви, — писал он, словно посылая ей последний привет, — за плечами два белоснежных длинных лебединых

крыла. Я чувствовал ее духовное превосходство надо мною и мою земную тяжесть»...

Лебеди не живут друг без друга. И когда один из них умирает, второй, говорит, поднимается высоко-высоко в небо и, сложив крылья, камнем устремляется к земле, чтобы разбиться. Так в Ленинграде, зимой 1942 года, она бросилась вниз с подоконника остоявшего дома на ослепительно белый, нетронутый жизнью блокадный снег.